

Есть в Севастополе место, о котором многие, кто приезжает в город впервые, даже не догадываются. Правда, узнать в интернете о нем не составит труда, нужно просто набрать в поиске: «Пляжи Севастополя». Где-то в конце выданного поисковиком списка будет она – Голубая бухта.

Проблема для ленивого туриста в том, что Голубая бухта очень далеко от центра города, туда долго и неудобно добираться. Рядом Тридцать пятая береговая батарея, памятник истории. Но далеко не каждый, кто отправится туда, пойдет потом на маленький, спрятавшийся от всеобщего обозрения пляжик. Нужно знать, какими тропками обогнуть Тридцать пятую батарею, а чтобы знать, нужно спросить. Да и место почти дикое: из инфраструктуры лишь деревянная лестница, чтобы спуститься со скалы на узкое каменистое побережье.

Людей здесь всегда немного, но пляж забит, потому что он крошечный, человек тридцать – вот вся вместимость. Если разместишься у воды, может обдать волнами, если ближе к скале, то на голову сыпется известь и мелкие камешки; порой страшно, как бы не отвалилось чего побольше. Вода чистейшая, если отплыть подальше от берега. В очках для плавания можно понырять и посмотреть на морских жителей, всяких рачков, рыбок, возле больших камней – крабов.

Лежать на берегу и любоваться закатным солнцем, накупавшись, надышавшись морем, выпив немного пива

в предвкушении вечера на Приморском бульваре – так мой простой отдых, пусть я и писатель и мысли о вечном мне не чужды. Так уж совпало, что я приехал в любимый город на сей раз не просто так: только на днях прошла презентация книги, меня спрашивали о важном, серьезном, болезненном для меня и страны. А теперь я лежу здесь и смотрю в небо. У меня пузо, пляжный зонт и полосатая сумка, полотенце с акулами; я обычный отдыхающий, которого все достало и который ровным счетом ни о чем не хочет думать.

Это и так, и не так. Я не хочу думать, но думаю. «О чем ваша книга?» – спросили меня в этом городе. В моем городе, где я давно не живу толком. Ответ уже был заготовлен, я просто воспроизвел его: «Книга в том числе о прошлом. Каждый из персонажей разбирается в ней со своим прошлым, глядя в него из того настоящего, которое когда-то казалось лишь одним из возможных вариантов». Это было так. Мои герои расправлялись с прошлым, со своим личным прошлым, и это была глубоко личная книга, как улитка в раковину, она пряталась в саму себя. Эта книга была обращена внутрь себя, не к миру. И если признаться честно, мне сложно было говорить о ней хоть что-то, кроме того, что уже содержалось на ее страницах.

А сегодня, приехав сюда еще утром, я ощутил стыд. Мы стало стыдно, что к своим годам, считая себя севастопольцем, никогда не бывал здесь еще. Нет, я не о пляже, конечно, о Тридцать пятой бе-

реговой батарее. Здесь 75 лет назад разворачивались самые трагичные события в истории страны, в истории Второй мировой. Немцы захватывали Севастополь 250 дней и наконец захватили. Город был стерт с лица земли, но жители защищали его до последнего. До последнего отстреливалась батарея. Когда закончились орудия, стреляли холостыми. Командование покинуло город, бросив солдат без оружия и уцелевших жителей без воды и пищи на произвол судьбы. Отступить было некуда, со всех сторон атаковали немцы, спасения с моря ждали, но оно не пришло. Люди жались к этим отвесам, к скале, на которую я аккуратно посматриваю: не свалился бы камушек. Небольшая компашка разместилась рядом со мной, устанавливают мангал.

Людам не на что было надеяться, море, узкая полоска суши и скала, по которой шли с собаками и автоматами немецкие захватчики. По той же тропе, которой я, беззаботный, спустился сегодня сюда. Я отдыхаю сегодня там, где люди много лет назад встречали медленную и мучительную смерть.

Меня провели по тоннелю, ведущему от батареи к морю: длинный коридор с узкими стенами и низким сводчатым потолком, по которому и просто так, с экскурсией, пройти страшно. Здесь лежали друг на друге раненые, здесь умирали без лекарств больные, здесь стонали от боли и молили о чуде, зная, что этому чуду не быть. А сегодня здесь иду я. Через час я войду в море. Приветливое, теплое, нежное, встречи с которым я ждал год.

Меня привели в пантеон. Здесь, как в планетарии, круглый купол и чернота. Только вместо звездного неба, планет, комет и созвездий лица людей: офицеров, матросов, медицинских сестер. Вот исчезает лицо, и на месте него свеча, вот исчезает еще одно, еще и еще, а ты стоишь, и над тобой уже только свечи, и вот гаснет первая, и вот гаснет вторая. А ты все стоишь и стоишь, автор книги, презентованной здесь через 75 лет.

О чем я думал, купаясь, нежась в теплой воде и радуясь лету? Что вспоминал? А мне ведь тоже было что вспомнить. «Были такие весы на набережной... несколько лет назад, они говорили еще металлическим голосом: “Добро пожаловать, добро пожаловать”», – рассказывал я на презентации. Не знаю, как бы повел себя, окажись *там* и *тогда*... В те годы, один возле моря, а хуже – допустим, с женой, с родными. Без надежды. Не знаю, как повел бы себя теперь, случись это (не дай, конечно, Бог) сегодня. Я просто не знаю, у меня нет возможности это проверить, и я не хочу, чтоб такая возможность была. Не хочу, чтоб появилась ситуация, когда мог бы это узнать.

Но я понимаю, что эти люди, они были, конечно, смелее меня. Я ни секунды не сомневаюсь в том, что обязан им. Тем, что могу приехать в этот город и презентовать свою книгу. Я подозреваю, хотя чего там, я это просто знаю, что моя книга мелочь, она и камня не стоит, лежащего здесь. Правда, не только она. Большинство, абсолютное большинство книг.

В свое время я много писал о Крыме, именовал себя гордо (как мне тогда казалось): публицист. Но моя книга была о другом, это были истории, призванные развлекать. И я честно сказал, что буду говорить о книге. Мне не хотелось паразитировать на том празднике, что случился для севастопольцев несколько лет назад, выезжать на этой волне, становиться автором, который пишет о том, что Крым наш. Мне не хотелось быть рыбой-прилипалой, мне хотелось быть маленькой, но свободной рыбой.

Это был мой тихий праздник, тихая радость от того, что в мире, который я так давно знаю, случилась какая-то справедливость, что я имею возможность приехать в мирный город Севастополь и презентовать в нем свою мирную книгу. Я не писал о подвигах, не писал о великих делах и людях, да и сам не сделал толком ничего. Вместо этого я сочинил книгу, в сущности, маленькую, компактную. Книгу мирного времени. Ведь я и сам писатель мирного времени, его горестей и радостей, его реальных и надуманных проблем.

Я знаю, для чего я здесь. И я помню, что есть куда более важные вещи, чем это нехитрое развлечение – раскрыть книжечку, почитать. И, лежа на мирном пляже с дурацким пивом своим, в комфортных резиновых тапках, чтобы камни не резали ноги, я вспоминаю их. Эти светлые лица над моей головой, что через миг превратятся в свечи.

Они говорят мне: «А что сделал ты после нас? Написал книгу?»

И я отвечаю – не им, конечно, себе:

– Да, написал. Я любил и страдал. И жил. Моя жизнь пришлось на это время, и неизвестно, что еще мне выпадет. Мне и таким, как я, остается помнить. Я помню и чту вечный подвиг.

Я живу.

